

П 1302.

А

МОСКОВСКІЯ СМУТЫ ВЪ КОНЦѢ XVII ВѢКА.

Розыскныя дѣла о Федорѣ Шаковитомъ и его сообщникахъ. Изданіе Археографической комиссіи. Три тома. С.-Пб. 1884—1887.

I.

Хотя московскія событія въ концѣ XVII вѣка вызвали въ семидесятихъ годахъ текущаго столѣтія два изслѣдованія, именно Н. Я. Арсстова: „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“ и М. П. Погодина: „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго“, и кромѣ того, эту смуту съ нѣкоторыхъ сторонъ значительно освѣтили Соловьевъ въ XIV томѣ своей „Исторіи Россіи“ и Устряловъ въ „Исторіи императора Петра Великаго“, тѣмъ не менѣе результаты этихъ трудовъ не сведены къ одному опредѣленному и ясному воззрѣнію, какъ на исходный пунктъ этихъ смуть, такъ и на послѣдующіе ихъ результаты. Связь этихъ смуть съ ходомъ умственнаго развитія Россіи совсѣмъ не указана. Труды церковныхъ писателей, касавшихся событій конца XVII в., въ общій итогъ историческихъ работъ также не были внесены. Въ настоящее время важная работа, предпринимаемая археографическою комиссіей и почти совершенная подъ редакціей А. Н. Труворова, именно — изданіе розыскныхъ дѣлъ о Федорѣ Шаковитомъ и его сообщникахъ, даетъ намъ поводъ пересмотрѣть событія московской смуты конца XVII вѣка и свести къ одному результату предшествующіе труды. Изданіе розыскаго дѣла — трудъ огромный и заслуживаетъ полной благодарности всѣхъ занимающихся русскою исторіей. Часть дѣла находилась въ рукахъ покойнаго фельд-маршала князя Барятинскаго. Эта часть состояла изъ 743 столб-

А

цевъ. По окончаніи разбора ихъ приступлено было къ разсмотрѣнію 4750 столбцевъ, заключающихся въ десяти свиткахъ и одной пачки, поступившихъ въ археографическую комиссію изъ оружейной палаты. Свитки эти, говоритъ г. Труворовъ въ своемъ предисловіи, — „хотя и были разобраны и описаны графомъ Д. Н. Блудовымъ, но впослѣдствіи найдены въ такомъ безпорядкѣ, что заглянувшій въ ихъ столбцы М. П. Погодинъ написалъ на нихъ слѣдующій приговоръ: „Все перепутано; слѣдуетъ всѣ свитки прочесть и отмѣчать, о комъ идетъ рѣчь. По объясненіи окажется, что къ чему въ этой путаницѣ идетъ“. Путаница, продолжаетъ г. Труворовъ, — еще болѣе усиливалась отъ того, что „заголовки къ свиткамъ, составленные графомъ Блудовымъ, не соответствуютъ содержанію ихъ“.

На сколько розыскное дѣло выясняетъ политическую сторону дѣла, на столько труды церковныхъ писателей, на которыхъ укажемъ ниже, даютъ нити къ разъясненію отношеній церковныхъ, стоявшихъ тогда въ такой близкой связи съ отношеніями политическими. Конечно, въ смутахъ послѣдней четверти XVII вѣка весьма важную роль играла распря, возникшая въ потомствѣ царя Алексѣя Михайловича, между дѣтьми его отъ первой супруги, Милославской, и второю его супругою, Натальею Кириловною; но споръ Милославскихъ съ Натальею Кириловною и Нарышкиными, какъ семейная распря, самъ по себѣ никогда не могъ бы имѣть того значенія, какое онъ имѣлъ по своимъ послѣдствіямъ, еслибы въ событія того времени не вошелъ элементъ болѣе серьезный. Этотъ элементъ — умственное броженіе въ московскомъ обществѣ, проходящее черезъ весь XVII вѣкъ и къ концу его выразившееся въ богословскихъ спорахъ, изъ-за которыхъ просвѣчивались весьма серьезные жизненные вопросы. Въ Россіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе чувствовалась необходимость образованія; вслѣдствіе этой-то необходимости изъ-за богословскихъ вопросовъ и проглянулъ вопросъ — какое образованіе предпочтительнѣе, греческое или латинское. Даже можно сказать, что въ этомъ-то вопросѣ и сосредоточивался весь источникъ броженія. Сторонники того и другаго направленія вели сначала борьбу тѣми средствами, которыми только и должна быть ведена борьба въ умственной сферѣ, доказательствами логическими и школами, которыя сначала безпрепятственно заводили ученые и той, и другой стороны, стараясь этими школами оправдать на дѣлѣ справедливость своихъ логическихъ доказательствъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ Елифаній Славинецкій, защитникъ греческаго образованія, основалъ Андреевское училище; Симеонъ По-

лопей, защитникъ римскаго образованія, завелъ Спасское училище для молодыхъ людей приказа тайныхъ дѣлъ. Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, яснѣ всего выразилъ разницу того и другаго направленія и потребности критическаго отношенія къ прошлому, которая обнаруживалась въ лучшихъ умахъ того времени. Онъ сильно порицаетъ русскихъ грамотѣевъ за безусловную вѣру въ грековъ, отъ которыхъ они все принимали безъ повѣрки, яко младенцы. „Увы“, говоритъ Медвѣдевъ, — „нашему такому неразумію вся вселенная смѣется! Не точію та, но и сами тіи нововѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: Русь глупая, ничтоже свѣдущая. И неточію тако глаголютъ, но и свиніями насъ быти нарицають, вѣщающе сиче: мы куда хоцемъ, тамо духовныхъ сихъ и обратимъ, видимъ бо ихъ ничто самихъ знающихъ и намъ яко безсловесны суще, во всемъ, въ немъ же хоцемъ, послѣдствуютъ“.

Оставивъ въ сторонѣ спеціальность богословскихъ споровъ¹⁾, вызвавшихъ горькія слова С. Медвѣдева, мы видимъ въ нихъ весьма важное проявленіе въ жизни русскаго народа, пробужденіе сознанія въ необходимости работы собственнаго ума, въ необходимости критики, дабы не уподобиться дѣтямъ, принимающимъ все на вѣру и не различающимъ важное отъ неважнаго, главное отъ побочнаго. С. Медвѣдевъ былъ выдающеюся личностію въ концѣ XVII вѣка; его тяготило младенчески-рабское состояніе умственной жизни русскаго человѣка; его тяготила та умственная подавленность наша, въ которой онъ винилъ грековъ; онъ сталъ искать выхода и находилъ его въ сближеніи съ западомъ; но онъ былъ человѣкъ исключительно богословскаго образованія, и притомъ принесеннаго его учителемъ Симеономъ Полоцкимъ изъ Польши, изъ страны католической; поэтому мудрено ли, что и выходъ къ самостоятельному образованію онъ видѣлъ въ сближеніи съ Римскою церковью? Но до какой степени Сильвестръ Медвѣдевъ желалъ сближенія съ Римскою церковью, желалъ ли онъ изъ Рима заимствовать только науку, не находя въ ней ничего опаснаго для Греческой церкви, или мечталъ о соединеніи церквей—дѣло далеко не рѣшенное и для нашей задачи второсте-

¹⁾ Вопросъ шелъ о времени пресуществленія святыхъ даровъ, то-есть, о томъ, когда хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Христову, тогда ли, когда священникъ произноситъ слова: „и сотвори убо“, или тогда, когда священникъ произноситъ слова: „примите и ядите“. Последнее толкованіе заслужило въ послѣдствіи преслѣдованіе, какъ католическое мнѣніе, и названіе *слюбопоклонной ереси*. Изложеніе этого спора, конечно, не входитъ въ нашу задачу.

пенное. Этотъ послѣдній вопросъ имѣлъ интересъ только временный, преимущественно церковный; для общаго же хода русской исторіи весьма важно явившееся въ обществѣ сознаніе, представителемъ котораго былъ Медвѣдевъ, въ необходимости сближенія съ Западомъ, Католическія тенденціи Медвѣдева, если таковыя у него и были, или совсѣмъ прошли безслѣдно, или оставили ничтожные слѣды; но его указаніе на сближеніе съ Западомъ ради науки не могло пройти безслѣдно. Еще болѣе должна была оставить слѣдъ его критическая мысль, брошенная въ полусонное русское общество XVII в. Въ умственномъ развитіи народовъ всякая критика существующаго важна сама по себѣ, не смотря на ея исходный пунктъ; ея путь, хотя бы и неправильный, исправляется впоследствии.

Представителемъ греческаго образованія, въ эпоху разгара борьбы, былъ патріархъ Іоакимъ. Въ духовныхъ журналахъ за истекшее десятилѣтіе объ Іоакимѣ появилось два изслѣдованія—священниковъ Смирнова и Горскаго, которыми уяснены или вызваны нѣкоторые вопросы относительно занимающаго насъ времени. Не смотря на замѣтную въ ихъ взглядахъ односторонность, эти изслѣдователи сознаются, что время патріаршества Іоакима было временемъ поворота русскаго народа на новую дорогу, а государство Русское находилось въ весьма печальномъ состояніи, но причину того и другаго явленія они объясняютъ весьма недостаточно, и во многомъ съ ними согласиться нельзя. Отецъ Смирновъ говоритъ: „Русская мысль явилась теперь на пути къ эмансипированной дѣятельности, а между тѣмъ не обладала такою стойкостью и выработанностью (?), не имѣла принциповъ, чтобы могла твердо и спокойно идти по новопроложенной дорогѣ“. Какимъ же образомъ русская мысль могла имѣть стойкость и выработанность, не имѣя принциповъ? На пути же послѣ застоя она пріобрѣсти не могла ни стойкости, ни выработанности. Кто же однако виноватъ, что въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка русская мысль не имѣла принциповъ? Съ конца X вѣка Русская земля считалась христіанскою, и вдругъ, черезъ семь вѣковъ въ концѣ XVII вѣка, въ ней не оказывается принциповъ. Авторъ такими словами желаетъ защитить суровыя мѣры Іоакима противъ его противниковъ и между прочимъ обвиняетъ русское общество за то, что при заимствованіи иноземнаго бросились на то, что было доступно ихъ духовной слабости, на мелочи. Но кто же пріучилъ русскій умъ къ мелочамъ? Воспитаніе онъ могъ получать тогда только въ сферѣ церковной, а не въ этой ли сферѣ воспиталась приверженность къ пред-

метамъ внѣшнимъ, безъ вниканія въ сущность дѣла, неумѣнье отличать существенное отъ маловажнаго? Въ XI вѣкѣ діаконъ Кирикъ серьезно спрашиваетъ архіепископа Нифонта: можно ли въ страстную субботу стучать яйцемъ о зубы? Въ XVII вѣкѣ поднялась цѣлая буря между прочимъ изъ-за вопроса какъ писать имя Спасителя: Иисусъ или Исусъ? Время, въ которое Іоакимъ вступилъ на патріаршій престолъ, было тяжелымъ временемъ и для церкви, и для государства. О. Смирновъ говоритъ справедливо объ упадкѣ, въ концѣ XVII вѣка, церковнаго авторитета, особенно при тишайшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; но онъ несправедливо приписываетъ этотъ упадокъ исключительно бѣдности и зависимости низшаго духовенства, о которомъ онъ выражается такъ: „Поставленное въ неизбѣжность влачить свое жалкое существованіе, находясь перѣдко въ рабской зависимости отъ вотчинниковъ, притѣсняемое приказными, оно подчасъ (?) забывало о высотѣ своего долга, въ исполненіи обязанностей видѣло только средства добывать насущный кусокъ хлѣба. Церковное безчестіе по-этому встрѣчалось тогда повсюду“. Авторъ же задаетъ себѣ даже вопроса: откуда же такое положеніе низшаго духовенства? Заботились ли архипастыри вывести приходское духовенство изъ такого положенія? Этого не видно, а видно другое, видѣтъ страшный деспотизмъ епископовъ; такъ Іосифъ, архіепископъ Коломенскій, наказывалъ провинившихся поповъ плетми, приказывая раздѣвать ихъ до нага и приговаривая: „бей гораздо—мертвые наши“. Особенно страшенъ былъ Іосифъ попомъ, когда онъ бывалъ прохладенъ, а прохладенъ онъ бывалъ перѣдко... Кромѣ того, и положеніе высшей іерархіи было весьма шатко. Тотъ же о. Смирновъ о положеніи патріарха долженъ былъ сказать слѣдующее: „Іоакиму пришлось вступить на первосвятительскій московскій престолъ въ такой именно моментъ, когда этотъ престолъ поколебался послѣ вѣковой своей непоколебимости и уже не могъ служить лицу его занимающему достаточною опорой. Патріарху, для поддержанія его достоинства, недостаточно было автоматическаго только величія, мало было и ревниво-деспотическаго охраненія своихъ правъ; нѣтъ, его сила, его авторитетъ теперь находились въ прямой зависимости отъ его личныхъ качествъ, отъ его умѣнья стоять выше обстоятельствъ жизни, не дѣйствуя въ то же время наперекоръ ихъ историческому необходимому теченію“. Таково дѣйствительно было положеніе высшаго іерарха, и въ общемъ авторъ правъ; но въ частности его слова вызываютъ много возраженій, напримѣръ: о какой вѣковой непоколебимости патріаршаго престола говоритъ онъ? Еще столѣтія